

— Леоныч! Извините, пожалуйста, я бы хотела поговорить с вами. Дело в том, что я пишу книгу о театре, и мне очень интересно узнать о вашем театре, который я знал раньше, в Ленинграде. «Шарсюро невесту» можно без смеха показать на любой сцене. В нем причина такого чуда?

Леонид Николаевич улыбнулся:

— Ничего чуда... Помните пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» — Пашабуца, слово не-кал точную форму ответа на заданный вопрос. — Начал война, заставил театр на летний лагерь в Оренбурге. Репетировал оперу «Подымай целину». Это предполагал открыть зимний сезон 1941/42 года. Варут на сцену выбегает, не помню кто, и кричит страшное слово: «Война!». Гаспром превалил. Не до них. Надо возвращаться домой. Оказалось, не так просто. Не западши ашерыны с солдатами, танками, пушками.

Настрою — великое переселение заводов. Для них заложен улица, а наш состав простоял сутками. А еще надо «прогалинать» вагоны с театральным имуществом. Душман, не досаде. Наконец добрался до Пермь. Обработались, да нечуждо.

Собрали нас и сообщили — приезжает из Ленинграда театр имени Кирова, будет работать в нашем здании. Понимаете наше состояние?

— Да. Театры сдвинулись с насиженных мест — большой оказался в Куйбышев, Ленинградский — Малый оперный — в Оренбурге, «Александринская» — в Новомосковске.

— А мы поехали в Кизеловский угольный бассейн, куда нас направили областные партячейки и советские организации, заботясь о сохранности театра, ставшего теперь передельным. Сегодня — Кизел, завтра — Тубаза, Лысьва, Березники... Работали в тяжелых условиях, не приспособленных площадях. Холодище. Зрители не раздвинулись. Но не жаловались: понимали — война, уставшие от постоянных переездов и бессонных ночей, давали концерты. Наградой было слышать: «Спасибо! Прощайте еще!».

Когда подошли к гостинице, Висоноу, несмотря на поздний час, продолжал свой рассказ:

— Весной 1943 года сезон начался в Краснокамске, у бумажников. Деревянное здание клуба. На всех солистов — одна примитивная с разбитыми занавесками. Но настроение улучшилось. Дела на фронте аскались надежды. Возвращались старые работники. Спектакли стали более сменными. — Леонид Николаевич Варут остановился и посмотрел на меня. — Слушаете и думаете, какое отношение имеет к вашему вопросу экскурс в прошлое. Удадал?

Я попытался возразить, но Леонид Петрович меня прервал:

— Самое непосредственное. Объясню. Летом 1944-го театр имени Кирова, после трехлетнего пребывания в Пермь, возвратился в Ленинград, а мы — в родное помещение. Вот бы радоваться. Не тут-то было. Живые выданула сложную проблему, от решения которой зависела дальнейшая судьба театра. Можно ли работать сразу после ленинградцев в том качестве, которое у нас было? Ведь пермляне узнали великодушных мастеров оперного искусства, первоклассные оркестры и хор, всемирно известный балет... И получился удивительный театр — возрастное зрелище слушателей, надежд верный путь к их сердцам — ему жить! Не смеет — вешай замок. Иногда выбора не было. И снова местные организации приходили на помощь. По инициативе первого секретаря обкома Гусарова принимается решение реорганизовать театр. Руководителями приглашают Ходеса и Людмилу.

— Вам повезло. Их опыт, энергия, настойчивость много хорошо известны.

— Группе солистов пополнилась одаренной молодежью, полностью укомплектовывается оркестр каменными, физическими музыкантами, увеличились хор, увертюры не только количественно, но и качественно балет, обновилась постановочные цеха.

— Фактически заново сформировали коллектив!

— Да, причем эту огромную работу надо было закончить так, чтобы открыть театр в преддверии Октября, а приехали мы из Краснокамска в июне. Считайте, на все — четыре месяца.

— Неужели открыли! — воскликнул я.

— Работали водовозвратно, не считаясь со временем. Нужно — репетировали ночью, почти круглые сутки. Но и город помог всем, чем можно. И открыли «Игорем!» 4 ноября 1944 года произошло второе рождение театра, продолжавшего путь, начатый еще в прошлом веке.

Висоноу посланною фразой сказал с особенным волнением, словно обращаясь не ко мне, а ко многим слушателям...

— Римский оратор Цицерон изрек: «Когда гремит оружие — музы молчат». Мысль ложная. И то, что пермляне первыми слушали созданные здесь в Пермь ленинградцами «Ночь перед рождением» Римского-Корсакова и «Пугачева» Мариуса Кавалла, балет Хачатуряна «Гангел», восхитилась Улановой — свидетельство этого. Кстати, «Пугачевым» директировал Павловский. И когда на премьеру слушатели встретили его аплодисментами, раздались чистое радостное восклицание: «О! Да это наш Арчиб!» Да. Оно сорвало пот назад меня, но в этом театре Павловский, уроженец Пермь, вместо скрипки, а он был одним из лучших учеников Ауэра, впервые взял в руки дирижерскую палочку.

И только у себя в номере, вспоминая рассказ Висоноу, я понял, как сурово этот человек! Ни одним словом не коснулся своего участия в борьбе за сохранение театра. Стало ясно, что забыл спросить об этом. Позже узнал, как, возглавив во время скитаний музыкальную часть, Леонид Николаевич требовал, чтобы, несмотря на то, что музыка главенствовала на каждом спектакле!

Не боясь сказать — пример творческого региона! Я начал работать в Пермском театре через три года после этого знаменательного открытия сезона. Три года для творческого коллектива — срок небольшой. Но театром было сделано немало. Было чем гордиться. А мне, новому главному режиссеру, в полной мере чувствовал свою ответственность.

Хотя был еще 1947 год, но черты нового все постепенно проступали в обители города. Такого знакомого сегоднешнего слова — «интерьер». В обиходе еще не было. Даже радиостудия скромно занимала несколько комнат двухэтажного дома, где на первом этаже находилась типография, и шум ее многочисленных частенько вторглась в передачу. Первым дворцом культуры — ныне Дворец культуры имени Я. М. Свердловского — архитекторы пермляне, театр музыкальной комедии, работающий в Мотовилихинском районе, последний дни. Перестал существовать и Дом ученых. Местная филармония, по-прежнему не мешавшая собственному помещению, устраивала концерты в Доме офицеров, а наиболее известные исполнители выступали в читальном зале библиотеки имени М. Горького, где неизвестно как очутились великодушный концертный зал. Организационные по инициативе Людмилы Симфонические концерты оперного оркестра проходили по помещению в самом театре.

Но оперный театр по-прежнему оставался главным музыкальным центром города и всего Прикамья. И асфальтом сквозь годы передавался любовь к нему, особенно у старого поколения (марок или старинных монет), они бережно хранили в памяти имена любимых артистов, собирали архивы, программы, рецензии. Строгие и придирчивые судьи, в то же время слыша, по их мнению, исправляющую критику, не давали своим театру в обиду.

ВЕЧЕРНЯЯ ГЕРМА

г. ГИЗМБ

4 - НОЯ 1976

Моему Коттед

ПОЛЮБЕЧУ.
РЕЖИМИКАМ.
САЩУМЪТОМЪ.

ВЪЗ

Наша фирма с Биссонюмъ пропозитиона, Спрум-

и др.

и др. и др. и др.

и др. и др. и др.

и др. и др. и др.